

ЗАПИСКИ

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ

Н. А. ПОЛЕВАГО.

ПОЛЕВОЙ

ЗАПИСКИ
О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ
П. А. ПОЛЕВАГО.

СОСТАВЛЕННЫЯ БРАТОМЪ ЕГО,

К. Полевымъ.

1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1860.

9

26-
4170

DUPLICATE EXCHANGE LIBRARY OF CONGRESS

THE NEW YORK
PUBLIC LIBR

543933B

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1950 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ,
Мая 1 дня 1859 года.

Ценсоръ Палаузовъ.

Ценсоръ Обертъ.

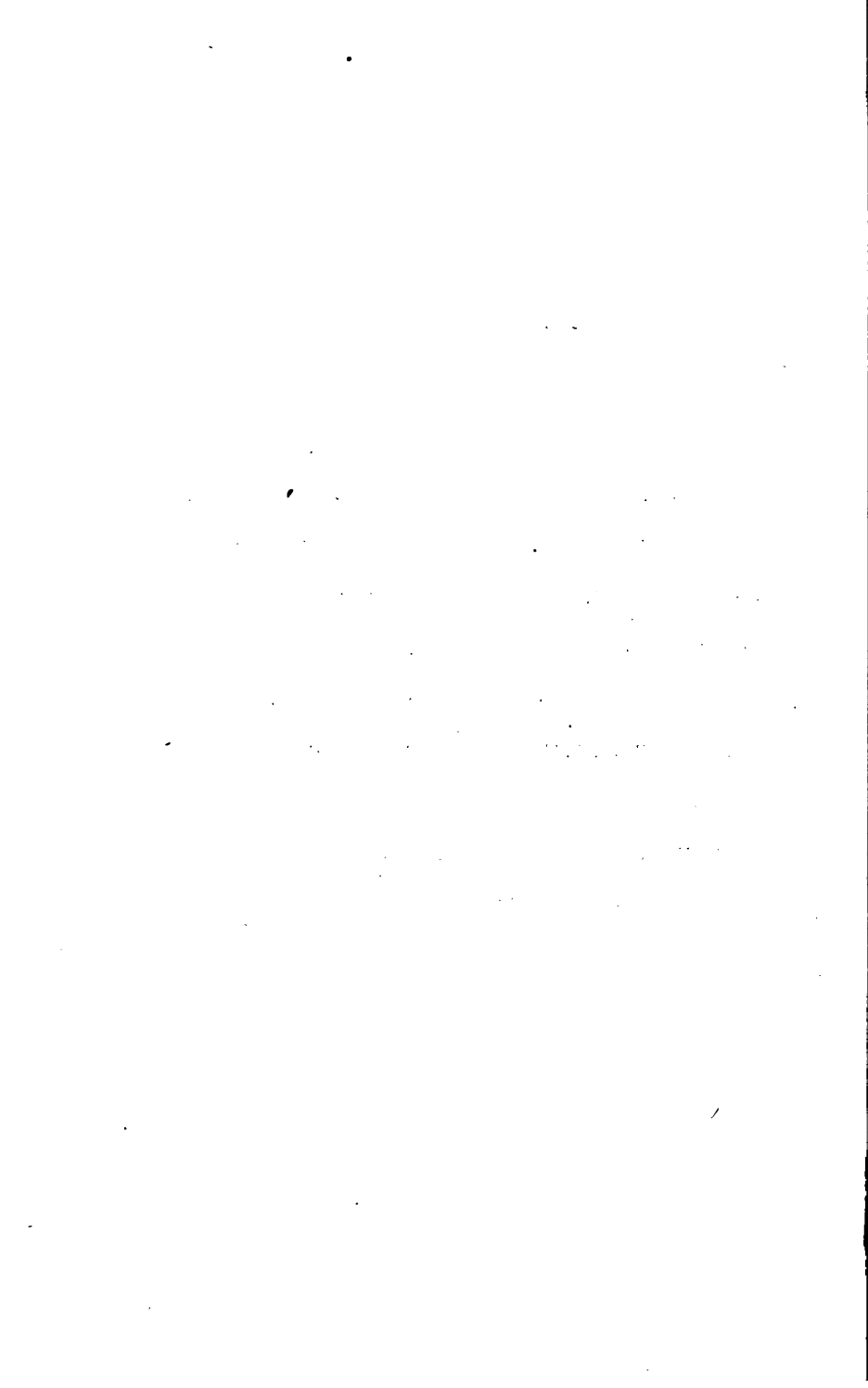

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ФИШОНА.

ОТЪ АВТОРА.

Издавая Первую Часть «Записокъ о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго», почитаю необходимымъ пояснить, что во второй половинѣ этой части я долженъ былъ исключить нѣкоторыя подробности и описанія, такъ что въ иныхъ мѣстахъ могутъ быть замѣтны пропуски. Постараюсь вознаградить это во Второй Части «Записокъ», гдѣ будутъ приложены также необходимыя примѣчанія и пояснительныя статьи.

К. П.

ЗАПИСКИ

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХЪ Н. А. ПОЛЕВАГО.

Немногіе изъ Русскихъ, посвятившихъ свою жизнь литературной дѣятельности, приобрѣли такую общую извѣстность какъ Николай Алексѣевичъ Полевой. Съ удивленіемъ встрѣчаю людей, далекихъ отъ всего книжнаго—повторяющихъ знакомое имъ имя Н. А. Полеваго; встрѣчаю то же имя и въ чужеземныхъ книгахъ, гдѣ, говоря о Русской Литературѣ, или даже объ умственной дѣятельности Русскихъ, непременно упоминаютъ о Н. А. Полевомъ. Это неоспоримо доказываетъ, что онъ оставилъ послѣ себя яркій слѣдъ въ Русской Литературѣ; но, по неизбежной судьбѣ всѣхъ слишкомъ извѣстныхъ людей, онъ былъ и остается предметомъ самыхъ различныхъ сужденій. Многіе писали и пишутъ о немъ; никто еще не объяснилъ, чѣмъ обратилъ на себя общее вниманіе Н. А. Полевой? Почему онъ, не гениальный поэтъ, не гениальный прозаикъ, не философъ—преобразователь, заставляетъ и послѣ смерти своей говорить о себѣ, и остается предметомъ жаркихъ похвалъ, а иногда и ожесточенныхъ осужденій? Въ чемъ, наконецъ, состоитъ заслуга его, потому что не можетъ же быть, чтобы при такомъ сильномъ и общемъ впечатлѣніи, какое произвела литературная жизнь его, онъ не оказалъ достопамятной, по крайней мѣрѣ значительной услуги своему

отечеству? Отвѣта на эти вопросы нѣтъ въ біографіяхъ и безчисленныхъ сужденіяхъ, гдѣ старались изобразить и оцѣнить Н. А. Полеваго пріатели и непріатели его. Вообще, немногіе говорили о немъ безпристрастно; очень немногіе говорили благоразумно и съ такимъ чувствомъ, какого достоинъ человѣкъ необыкновенный. Я укажу далѣе на эти благородныя исключенія изъ грѣшной и пристрастной болтовни литературныхъ судей моего брата. Высказываю такое мнѣніе безъ страсти, не увлекаюсь уваженіемъ и любовью, которыя сохраняю къ нему и послѣ его смерти. Скажу, можетъ быть, неожиданное читателемъ: я извиняю—съ немногими исключениями—всѣхъ, даже враговъ Н. А. Полеваго! Они судили о немъ не зная его, и виноваты передъ его памятью всего больше въ томъ, что рѣшились писать и судить о человѣкѣ, котораго знали слишкомъ одно-сторонне... Онъ самъ никогда не заботился исправить многія ложныя мнѣнія, какія распространялись о немъ еще во время его жизни... Теперь, уже много лѣтъ покоится въ могилѣ прахъ его... Періодъ тоски, которая, кажется, никогда не оставляетъ насъ при воспоминаніи о маломъ, навсегда оставившемъ насъ человѣкѣ, не миновался для меня; но я уже могу говорить о Николаѣ Алексѣевичѣ Полевомъ. Могу и буду говорить о немъ, потому что почитаю это своею обязанностью. Онъ былъ мнѣ братъ и другъ. Эти названія важны для меня передъ публикою только въ томъ отношеніи, что она можетъ вѣрить моему разсказу. Никто лучше меня не зналъ Н. А. Полеваго. Во всю жизнь его были мысоединены

не только ближайшимъ кровнымъ родствомъ, но и самою нѣжною дружбою, которая началась съ дѣтскихъ лѣтъ, продолжалась во все годы юности и мужества, и окончилась только его смертию. Дружба наша была скрѣплена и одинакими склонностями и многими общими занятіями и трудами. До послѣднихъ годовъ его жизни, покуда мы оставались въ одномъ городѣ и большею частію подъ одною кровлею—почти не было мысли, разумѣется, выходящей изъ круга ежедневныхъ житейскихъ пошлостей, которой не передавали бы мы другъ другу. Кто же больше меня имѣетъ средствъ представить этого необыкновеннаго человѣка въ истинномъ видѣ? По моему убѣжденію, возможность говорить о немъ вѣрнѣе другихъ составляетъ мою обязанность, которую долженъ я исполнить. Я долженъ исполнить ее изъ уваженія къ памяти брата и друга, изображаемаго до сихъ поръ почти всегда невѣрно. Я обязанъ передать соотечественникамъ многія свѣдѣнія о его жизни и его литературной дѣятельности, которыя поясняютъ одна другую. Это сдѣлалось даже необходимо послѣ нѣкоторыхъ, напечатанныхъ о немъ въ послѣднее время сужденій. Если Богъ благословитъ мое доброе намѣреніе, то соотечественники узнаютъ вполнѣ человѣка, истощившаго всю свою жизнь въ трудахъ, одушевленныхъ глубокимъ желаніемъ добра и просвѣщенія нашему отечеству.

Довольно рѣдкая случайность въ обязанности біографа, что, прежде всего, я долженъ оспаривать того, о комъ начинаю говорить.

Н. А. Полевой самъ описалъ часть своей жизни, въ предисловіи къ книгѣ, изданной подъ заглавіемъ: «Очерки Русской Литературы» (2 тома, 1839, СПб.). Тамъ говорить онъ о предкахъ нашихъ, Полевыхъ, старожилахъ Курска, о нашемъ, незабвенномъ для насъ, отцѣ, и наконецъ о самомъ себѣ, до 26 года своей жизни, когда, послѣ смерти отца, онъ сдѣлался старшимъ въ семействѣ и могъ располагать судьбою своею по собственному усмотрѣнію. Въ разсказѣ его, событія указаны истинныя; но онъ несправедливо представляетъ многія изъ нихъ, такъ что это дастъ совершенно превратное понятіе обо всемъ, слѣдовавшемъ затѣмъ поприщѣ его.

Онъ вѣрно изображаетъ отца нашего, представляя его человѣкомъ необыкновеннымъ, рѣдкимъ по возвышенности души и силѣ ума. Этотъ достойный памяти человѣкъ провелъ всю жизнь свою въ трудахъ, борясь съ тѣмъ, что называютъ люди несчастіемъ; но всегда находилъ время читать, мыслить, разсуждать о всѣхъ важныхъ для человѣка вопросахъ. Вездѣ и во всѣхъ положеніяхъ жизни, онъ жилъ больше умственною и нравственною дѣятельностью, и, можетъ быть, потому часто не имѣлъ удачи въ дѣятельности вещественной. Ра-по утромъ, послѣ обѣда, вечеромъ, въ постели ночью— онъ непремѣнно былъ съ книгой, и если что поражало его въ чтеніи, онъ начиналъ разсуждать объ этомъ и дѣлать свои выводы. Мыслящая сила у него была удивительная: онъ былъ недоволенъ системами астрономическими и физическими и создавалъ свои системы; онъ, зная превосходно Исторію, смѣялся надъ многими просла-

вляемыми ею подвигами, удивлялся героямъ Исторіи, благоговѣлъ передъ дѣйствіями Петра Великаго; онъ, безпрестанно наблюдая природу, любилъ давать себѣ отчетъ въ главныххъ законахъ ея и въ малѣйшихъ явленіяхъ (*).

(*) Думаю, что не безотчетно составилъ онъ себѣ систему въ чтеніи книгъ. Читая все новое, что появлялось въ его время, онъ любилъ даже романы, и, какъ самъ говаривалъ, иногда плакалъ за ними. Духъ Карамзина и Руссо отзывался въ немъ! Но преимущественно любилъ онъ чтеніе серьезное. Когда не было новой книги такого рода, онъ принимался пересчитывать какое либо изъ своихъ любимыхъ сочиненій, къ числу которыхъ принадлежали: «Дѣянія Петра Великаго» и «Дополненія» къ нимъ, сочиненія Голікова (родственника отца моего и глубоко чтимаго имъ чловѣка); «Всемирный Путешествователь», сочиненіе аббата де ла Порта, переводъ Булгакова, 27 томовъ; «Путешествія капитана Кука», нѣсколько огромныхъ томовъ, и еще съ десятковъ подобныхъ книгъ, дѣйствительно хорошихъ, дѣльных, бывшихъ наравнѣ съ просвѣщеніемъ своего времени, и составлявшихъ красу довольно большой библіотеки моего отца. Но болѣе всѣхъ другихъ любилъ и уважалъ онъ—трудно угадать!—Discours sur l'Histoire universelle въ Русскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: «Іакова Бенigna Боссюэта Разговоръ о Всеобщей Исторіи. Съ Французскаго на Россійскій языкъ перевелъ Капитанъ Василей Наумовъ. Часть 1-я, печатанъ въ Москвѣ, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1761 году (114 стран. in-4); Часть 2-я печатана тамъ же, въ 1762 году, 182 стран., и ч. 3-я тамъ же, въ томъ же году, 86 стран.» Онъ ставилъ эту книгу выше всѣхъ другихъ историческихъ книгъ, удивлялся глубокомыслию Боссюэта, и жалѣлъ, что онъ не довелъ ея до позднѣйшаго времени. Узнавъ, что есть продолженіе ея, онъ, какъ сказывалъ, съ большимъ затрудненіемъ досталъ это продолженіе, переведенное тѣмъ же Наумовымъ и изданное подъ заглавіемъ «Продолженія Всеобщей Исторіи Г. Боссюэта,» (2 огромные тома in-4, напечатанные въ С. Петербургѣ въ 1779-мъ и 1789 годахъ). На послѣднемъ томѣ сказано въ заглавіи: «Продолженіе Всеобщей Исторіи господина Іакова Бенigna Боссюэта, отъ 1688 по Іюль 1721 годы, учиненное господиномъ Крамеромъ, а съ Франц. языка переведенное Васильемъ Наумовымъ.»—Но отецъ мой былъ недоволенъ этимъ продолженіемъ и не уважалъ его. Всѣ эти три старинные тома хранятся у меня, какъ драгоценный памятникъ любознательности моего отца. Въ послѣдніе годы жизни, къ любимымъ его книгамъ присоединилась «Исторія Государства Россійскаго,» Карамзина. Библія была почти всегда настольною его книгою.

Очень естественно, что съ такимъ человѣкомъ любили бесѣдовать всѣ, кто умѣлъ понимать его, особенно если прибавимъ къ этому, что онъ обладалъ въ высокой степени даромъ слова, увлекалъ живостью своего характера и откровенностью выраженія. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ вступивъ въ управленіе большими дѣлами въ Сибири, первоначально у своего дяди, извѣстнаго богача И. Ил. Голикова, онъ былъ въ сношеніяхъ со множествомъ замѣчательныхъ людей, и всегда умѣлъ составить себѣ избранный кружокъ, чуждаясь обыкновенныхъ посѣщеній, обѣдовъ, бадовъ, и не понимая какое находятъ въ нихъ наслажденіе. Всѣ свободные часы его были посвящены чтенію, изученію природы, и—семейству. Разговоры и рассказы его были пріятны и поучительны, особливо для насъ, дѣтей его. Зная очень хорошо людей, разглядѣвъ вблизи даже много знаменитостей своего времени, онъ былъ нашимъ Менторомъ и въ этомъ отношеніи. Неумолимый въ оцѣнкѣ всего глупаго, ложнаго, вреднаго, онъ питалъ неограниченное уваженіе ко всему высокому, доброму, умному. И въ послѣдніе годы своей жизни вспоминалъ онъ съ благодарностью и уваженіемъ о нѣкоторыхъ лицахъ, причисляя знакомство съ ними къ счастливымъ случаямъ своей жизни. Въ числѣ такихъ знакомыхъ его были: митрополитъ Гавріилъ, знаменитый архипастырь Екатеринина вѣка, всегда удостоивавшій отца нашего своими бесѣдами; два брата Бланкеннагели, извѣстные своими глубокими познаніями и наблюдательнымъ умомъ. Григорій Ивановичъ Шелиховъ, завоеватель Русской Америки, долго былъ непри-

ителемъ, но къ концу жизни сдѣлался другомъ нашего отца. Эти люди и еще нѣкоторые, не столько извѣстные, были предметомъ особеннаго уваженія и всегдашнихъ воспоминаній его. Помню многіе рассказы его о нихъ, и не удивляюсь, что бесѣды съ такими людьми могли оставить въ немъ глубокія впечатлѣнія, потому что касались вопросовъ, какіе занимаютъ только высокихъ умомъ людей. Кромѣ того, всѣ замѣчательные люди, съ какими случалось отцу нашему встрѣчаться въ продолженіе дѣятельной его жизни, дѣлались искренними его пріятелями и почитателями. Въ доказательство могу указать на печатныя свидѣтельства. Въ книгѣ, изданной адмираломъ Шишковымъ, подъ заглавіемъ «Двукратное путешествіе въ Америку,» и сочиненной лейтенантомъ Давыдовымъ, неизмѣннымъ другомъ героя, пламеннаго Н. А. Хвостова, встрѣчается нѣсколько упоминаній объ Алексѣѣ Евсевіевичѣ Полевомъ, съ которымъ были они въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ, служа на корабляхъ Американской Компаніи. Онъ былъ, можно сказать, основателемъ нынѣшней Россійско-Американской Компаніи, и писалъ всѣ первоначальные уставы ея. Не распространяюсь объ этомъ, боясь отклониться отъ главнаго моего предмета. Извѣстный многимъ въ Петербургѣ К. Т. Хлѣбниковъ (подъ конецъ жизни Директоръ Р. А. Компаніи), въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Сынѣ Отечества» (прежнемъ) говоритъ съ должнымъ уваженіемъ объ А. Е. Полевомъ, какъ о своемъ начальникѣ. Бывшій Генералъ-Губернаторъ Сибирскій, Борисъ Борисовичъ Леццано, любилъ отца нашего до такой сте-

пени, что когда, въ 1812-мъ году, отецъ нашъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Леццано, уже давно жившій тамъ, не допустилъ его остановиться на квартирѣ, а поселилъ у себя въ домѣ. Такъ всѣ, чѣмъ либо замѣчательные люди, жившіе въ Иркутскѣ, или пріѣзжавшіе туда на нѣкоторое время, непременно дѣлались знакомыми и большею частію искренними пріятелями нашего отца. Во время посольства въ Китай, въ 1805 году, когда посолъ Графъ Головкинъ долго оставался въ Иркутскѣ, почти всѣ чиновники, ѣхавшіе съ нимъ, безпрестанно бывали у насъ въ домѣ, и въ числѣ ихъ находился знаменитый Клапротъ, тогда извѣстный больше какъ сынъ славнаго химика. Отецъ нашъ заставилъ его производить разные опыты на своей фаянсовой фабрикѣ!.. Посолъ въ Японію, Каммергеръ Рѣзановъ, былъ издавна пріятелемъ нашего отца, какъ зять друга его Шелихова.

Я могъ бы сказать еще многое въ подтвержденіе, что отецъ нашъ былъ не только человекъ необыкновенный умомъ и душою, но что онъ и жилъ въ кругу избранныхъ, образованныхъ людей, занимаясь большую часть своей жизни обширными торговыми и фабричными дѣлами. Онъ глядѣлъ на жизнь съ своей точки зрѣнія и не желалъ выйти изъ званія, въ которомъ родился, хотя имѣлъ много случаевъ къ тому въ продолженіе своей жизни. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, бывши Министромъ Коммерціи, желалъ познакомиться съ человекомъ, хорошо знающимъ Сибирь. Ему указали на отца нашего, который жилъ тогда въ Петербургѣ (гдѣ бывалъ онъ

часто и иногда оставался долго). Графъ, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ нимъ, былъ до такой степени очарованъ его умомъ и свѣдѣніями, что предложилъ ему остаться при своей особѣ, какъ Министръ Коммерціи, обѣщая блестящую будущность. Отецъ отказался, откровенно сознавшись, что больше дорожить семейнымъ счастьемъ нежели блестящимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Графъ обнялъ его, поцѣловалъ и сказалъ: «Послѣ этого я уважаю васъ еще больше!» Разговоры его съ Графомъ Румянцевымъ были такъ интересны, что ихъ стоило бы внести въ Историческія Записки.

Не должны ли дѣти столько уважаемаго, необыкновеннаго, умнаго отца, благословляя память его, сознавать въ душѣ своей, что его разговорамъ, внушеніямъ, его обществу, словомъ: ему обязаны они всею своею любовью къ просвѣщенію и образованности? Ему обязаны они развитіемъ душевныхъ силъ и умственныхъ способностей, и не его вина, что они не могутъ въ этомъ отношеніи сравнивать себя съ нимъ! Да! много разъ повторяли мы съ покойнымъ братомъ Николаемъ Алексѣвичемъ, что если бы можно было соединить всѣхъ насъ, дѣтей его, въ одно существо, то изъ всѣхъ насъ не вышло бы одного, равнаго отцу. Въ этомъ человѣкѣ было неизмѣримо много силъ всякаго рода.

Не понимаю, какъ могъ послѣ этого братъ мой представить воспитаніе свое какимъ-то хаосомъ, а себя самоучкой, которому не способствовали, а мѣшали учиться? Я изъяснилъ ему свое удивленіе объ этомъ, когда прочиталъ «Нѣсколько словъ отъ сочинителя», въ книгѣ: